

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЛЕКТОРИЙ

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-655-668

Развитие доклассового общества в трактовках эволюционизма*

С.А. Давыдов

Санкт-Петербургский государственный экономический университет
ул. Садовая, 21, Санкт-Петербург, 191023, Россия
(e-mail: licurg@inbox.ru)

Цель статьи — обобщение подходов к осмыслению эволюции доклассового общества в исторической социологии. Социологическая традиция ее осмысления возникла в конце XVIII века, когда А. Фергюсон определил развитие общества как естественный процесс, включающий три стадии: дикость, варварство и цивилизацию. В период становления классической социологии оформилось две линии осмысления развития доклассового общества: первая нашла отражение в работах Г. Спенсера, который предложил естественнонаучное его понимание, но более тонкую шкалу развития доклассовых обществ, различающихся по сложности социальной структуры; вторая линия представлена в исследованиях Л.Г. Моргана, который взял за основу трехстадийную периодизацию Фергюсона, но детализировал ее этапы и расширил перечень критериев их дифференциации (прогресс в изобретениях и открытиях, а также в развитии идей управления, семьи и собственности). С середины XX века социология сумела преодолеть зависимость от психологии и экономической науки в рамках неэволюционизма, связывавшего социальную эволюцию архаического общества с качественным изменением его структуры. Социологи предлагали схемы эволюции, основанные на эмпирических проявлениях его сложности — институционализации лидерства и росте социального неравенства. Важное значение сыграло включение в число критериев развития архаического общества достигнутого в нем уровня производительности труда, что позволяло приводить к единой шкале прогресса даже те общества, которые выработали качественно различные способы социальной организации. В ходе широкой дискуссии социологи пришли к выводу, что эволюция доклассовых обществ может быть связана не только с их развитием, но и с их деградацией и даже распадом, что всякая социальность может иметь свой аналог с сопоставимым уровнем сложности, и что достижение архаическим обществом определенного уровня сложности социальной организации может быть обеспечено разными эволюционными путями.

Ключевые слова: архаическое общество; дифференциация; доклассовое общество; иерархия; прогресс; социальная структура; стадия развития; эволюционизм

Возникновение эволюционистских воззрений на движущие силы и этапы развития доклассового общества

Хотя сегодня широко распространена точка зрения, что социологическая наука имеет отношение исключительно к современности [25. Р. 4607] и не должна углубляться в историю, традиция осмысления прошлого, которую в

* © Давыдов С.А., 2020.

Статья поступила 17.01.2020 г. Статья принята к публикации 24.04.2020 г.

наше время можно назвать социологической, оформилась более двухсот лет назад. Начало ей было положено, вероятно, исследованием А. Фергюсона «An Essay on the History of Civil Society», опубликованным в 1789 году: автор критиковал широко распространенные в то время представления о формировании цивилизованного общества в результате общественного договора — интеллектуального конструкта, созданного людьми с целью преодоления «естественного состояния», или состояния «войны всех против всех» [2. С. 164]. Прежде всего, Фергюсон был не согласен с тем, что основой объединения людей является их природная враждебность, и утверждал, что враждебность — не исходное, а производное состояние человека, «возникающее из реального отношения к той стороне, которую мы поддерживаем, и из желания отстаивать права нашей группы» [27. Р. 24]. Этим автор постулировал наличие в человеке врожденных социальных чувств, которые называл «привязанностью, создающей основу для объединения» [27. Р. 24].

Иными были взгляды Фергюсона и на рациональное формирование социальности. В отличие от представителей теории общественного договора, отводивших ключевое значение интеллектуальному конструированию общественных институтов, он считал роль рационального начала незначительной. «Характеризуя чужие действия, мы часто забываем о том, что делаем сами; и вместо переживаний, которые стимулируют мысль в присутствии другого человека, мы объясняем мотивы поведения теми соображениями, которые возникают в часы уединения и холодных размышлений» [27. Р. 26]. В действительности же, полагал Фергюсон, даже наиболее устойчивые из рациональных мотивов, как, например, стремление к обогащению и жизненным удобствам, не могут вызывать в людях желание объединиться: «человек далек от того, чтобы ценить в обществе только внешние удобства, он обыкновенно больше всего привязывается к группе, где эти удобства встречаются реже всего, и является тем более верным той группе, где дань его верности оплачивается кровью» [27. Р. 27].

Согласно Фергюсону, механизм социальной интеграции формируется в значительной мере за пределами человеческой рациональности, и если и поддерживается работой сознания, то скорее его аффективной стороной. Именно ею, полагал он, можно объяснить «упрямую привязанность дикаря к своему неустроенному незащищенному племени, когда искушения на стороне легкости и безопасности могли бы побудить его бежать от голода и опасности к месту более богатому и безопасному» [27. Р. 29]. В итоге Фергюсон предложил новый подход к объяснению причин возникновения и развития механизмов общественной интеграции в древности: формирование социальности — длительный естественный процесс, проистекающий из преимущественно неосознанных потребностей людей в сопричастности, и сводящийся к нормативному закреплению успешных практик взаимодействия.

Важным достижением Фергюсона является предложенная им периодизация развития общества. В главе «The History of Political Establishment» он

выделил три последовательных этапа эволюции — дикость, варварство и цивилизацию, и первые две определенно характеризуют разные уровни развития доклассового общества. Фергюсон утверждал, что на этапе дикости человек предоставлен самому себе: «его счастье заключено в его лачуге, одежде из шкур и руках... В спорах с равными ему людьми он не апеллирует к суду и не имеет в руках знаков власти магистратуры или знамени вечного командования» [27. Р. 185]. В эпоху варварства человек, напротив, независимо от личных качеств и блеска славы, вынужден «следовать за знаменами вождя и играть подчиненную роль в племени, он не понимает, что даже те его действия, что он воспринимает как совершенные по своему выбору, на самом деле являются предметом его обязательств» [27. Р. 185]. Фергюсон не только дифференцировал стадии развития древнего общества, но и обозначил характер социальных отношений в качестве критерия различий этих стадий, явным образом противопоставив свободе архаичных дикарей зависимость и подчинение, царящие в более развитых обществах варваров.

Взгляд классической социологии на эволюцию доклассового общества

Возникшая в конце XVIII века социологическая традиция осмысления эволюции человечества получила развитие в период становления классической социологии — с середины XIX до начала XX века. В этот период возникло две линии дифференциации этапов социального развития доклассового общества, которые связаны с именами Г. Спенсера и Л.Г. Моргана.

Спенсер сохранил исходное понимание эволюции как естественного процесса, дополнив его своим представлением о магистральном направлении развития органических систем в сторону их усложнения. «Прогресс — это не случайность, а необходимость. Вместо того, чтобы считать цивилизацию созданной искусственно, мы должны принять ее как часть природы... Изменения, которые претерпело и продолжает претерпевать человечество, вытекают из закона, лежащего в основе всех органических творений; и если человеческий род продолжает существовать, а устройство вещей остается тем же самым, то эти изменения должны закончиться следующим образом: усложнением» [38. Р. 80]. Спенсер остался верен и принципу методологического индивидуализма, декларированному Фергюсоном в анализе социогенеза. Он полагал, что социальной интеграции способствовали, прежде всего, «коллективные результаты ищущих удовлетворения человеческих желаний, ... которые вызвали ... добровольную кооперацию» [14. С. 114], а в качестве наиболее важного из тех свойств, что обусловили социальный прогресс, рассматривал способность применить свой ум и трудолюбие в целях самосохранения. «Независимо от того, порождаются ли опасности для существования избытком плодovitости или какими-либо другими причинами, ясно, что непрерывным упражнением способностей, необходимых для борьбы с ними, и смертью всех людей, которые не могут успешно бороться с ними,

обеспечивается постоянное движение к более высокой степени мастерства, интеллекта и саморегуляции, к лучшей координации действий, к более полноценной жизни» [38. Р. 60].

Сохранив верность традиционному пониманию движущих сил развития доклассового общества, Спенсер предложил собственную хронологию его эволюции. Его типология включает четыре формы социальной организации, дифференцированные по степени сложности социальной структуры: простые общества (*simple*), сложные (*compound*), общества двойной (*doubly compound*) и тройной сложности (*trebly compound*). Важно, что в его представлении эти типы социальности образовывали эволюционную последовательность, или своего рода станции на пути, по которому человечество должно пройти в ходе истории [39. Р. 49–51].

Морган пошел иным путем: он взял за основу трехстадийную периодизацию Фергюсона, но детализировал ее этапы и расширил перечень критериев их дифференциации. В основу своей схемы эволюции он положил не умозрительные рассуждения, как это преимущественно делалось до него, а результаты своих обширных этнографических и архивных исследований. В результате он выработал собственное понимание вопроса, поиск ответа на который и прежде занимал умы исследователей: «каким образом дикари, подвигаясь вперед медленными, почти незаметными шагами, достигли высшей ступени варварства; каким образом варвары, путем подобного же прогрессивного движения, достигли в конечном счете цивилизации; и почему некоторые племена и нации в одновременном ходе развития остались позади, одни — в состоянии цивилизации, другие — варварства, третьи — дикости» [11. С. 7].

В стремлении установить причины общественного прогресса Морган предпринял анализ двух основных линий социальной эволюции: «одна охватывает изобретения и открытия, другая — первобытные учреждения..., [которые] могут быть поняты как продукт роста отдельных идей» [11. С. 6]. Основное внимание Морган сконцентрировал на том, «чтобы представить некоторые доказательства человеческого прогресса в этих различных областях в течении последовательных этнических периодов, как это раскрывается в изобретениях и открытиях, а также в развитии идей управления, семьи и собственности» [11. С. 6]. В качестве движущих сил развития первобытного общества он рассматривал комплекс взаимосвязанных интеллектуальных, социальных, материальных и экономических факторов, объединенных направленностью на прогресс.

Принимая во внимание приверженность Моргана царившему в середине XIX века духу позитивизма, кажется естественным, что в основу исторической периодизации он положил эмпирически наблюдаемые признаки. Он был далек от стремления объяснять развитие доклассового общества исключительно совершенствованием его материальной культуры и технологий, и считал, что периодизации, основанные на материальных критериях, могут быть полезны разве что «для классификации предметов древнего производства» [11. С. 8]. Он

предложил широкий спектр эмпирических признаков общественного прогресса, которые могли наглядно охарактеризовать образ жизни и уровень развития духовной и материальной культуры на той или иной стадии развития доклассового общества (средства существования, ареалы обитания, развитие языка и верований, характер организации социально-политической и экономической жизни). В результате Моргану удалось непротиворечивым образом дифференцировать этапы эволюции первобытного общества, разбив каждый из них на низшую, среднюю и высшую стадии и определив комплексные критерии их различий [11. С. 9–14]

Несмотря на прогресс, достигнутый с середины XIX до начала XX века в понимании эволюции доклассового общества, этот вопрос не стал центральным в социологическом дискурсе — большинство социологов-эволюционистов заостряло все внимание на описании качественного своеобразия современного им капиталистического общества в сравнении с тем обществом, из которого оно выросло и которое отрицало. Преимущественно это делалось с помощью идеальных типов, предназначенных для сравнения уходящей и формирующейся социальной реальности, таких как «общество статуса — общество контракта» Г. Мэйна [12], «*Gemeinschaft — Gesellschaft*» Ф. Тенниса [15], «механическая солидарность — органическая солидарность» Э. Дюркгейма [4], и, очевидно, не способствовавших расширению представлений об эволюции доклассового общества. В последующие полвека теоретические схемы эволюционизма и вовсе выпали из социологического мейнстрима, чему, вероятно, способствовало укрепление позиций марксизма, подвергавшего эволюционизм острой критике и предложившего собственную парадигму общественного развития — через революционную смену общественно-экономических формаций [8. С. 7; 16. С. 1–2].

Следует согласиться с Р. Карнейро, который отмечал, что примерно с 1896 по 1959 годы в общественных науках «доминировали анти-эволюционистские представления... [в результате чего они] повернулись спиной к культурной эволюции. Это упущение создало антропологии и ее сестре — науке социологии печальную репутацию» [20. Р. 16–17]. В результате даже ученые, исследовавшие первобытные общества на предмет их преобразования в первые государства, в этот период в большинстве своем отрицали «идею, что ...все общества должны пройти в своем развитии одни и те же этапы... [осуждая] даже попытку указать различные стадии, на которых более простые общества обязательно имели бы тенденцию усложнения» [30. Р. 112].

Социология середины XX века: основания периодизации и новые градации эволюции доклассового общества

И все же «концепция эволюции оказалась слишком фундаментальной и плодотворной, чтобы ее бесконечно долго могло игнорировать все, что именует себя наукой» [41. Р. xii]. Толчком к возникновению нового понимания

причин и этапов эволюции доклассового общества послужил важный юбилей: в 1959 году исполнилось сто лет со дня выхода в свет первого издания монографии Ч. Дарвина «Происхождение видов». По всему миру прошла серия научных конференций, организованных представителями различных наук, но объединенных общей целью — оценить эвристическую значимость идеи эволюции и выработать ее новое понимание, соответствующее современному состоянию науки. Не обошли вниманием это событие и обществоведы, поставившие в центр обсуждения проблему социальной эволюции. Некоторые значимые результаты дискуссии были обобщены в 1960 году в книге «*Evolution and Culture*» [33], где нашла отражение новая попытка осмысления развития доклассового общества, которая оказалась весьма востребованной на протяжении второй половины XX — начала XXI века.

Методологическим основанием этой парадигмы стал неозволюционизм, в рамках которого в качестве критерия эволюции доклассового общества вновь стало рассматриваться усиление его дифференциации [22. Р. 6]. В неэволюционистской схеме о развитии общества следовало судить не по образу жизни людей, характеру изобретений, уровню развития технологий или верований, а по степени сложности его социальной структуры [35]. Получив возможность оперировать этим исключительно социологическим критерием, социология окончательно обрела методологическую независимость от других наук, что облегчило ей формирование собственного понятийного пространства и упорядочение доклассовых обществ в эволюционную последовательность.

Закономерно, что с середины XX века арсенал социологии архаических обществ стал пополняться новыми понятиями. Некоторые из них были заимствованы из этнографии и антропологии: благодаря сделанным представителями этих наук детальным описаниям жизни, быта и рутинизированных практик доклассовых культур социологи научились находить структурные различия в разнообразных архаичных общностях, отличать лидеров нестратифицированных групп от правителей иерархически организованных обществ, а вождей от царей.

Так, М. Саллинз выявил целый спектр признаков, позволяющих увидеть разницу между облаченным институционализированной властью вождем и бигменом — мужчиной, завоевавшим авторитет благодаря личным заслугам перед определенной группой людей [34]. К. Оберг описал признаки вождества (*chiefdom*) как особой формы социальности общества, сумевшего создать иерархическую структуру, но не достигшего уровня цивилизации: вождества «контролируются верховным вождем, объединяющим под своей властью районы и поселения, управляемые иерархически соподчиненными вождями... вожди обладают судебной властью улаживать споры и выносить преступникам приговоры вплоть до смертной казни и, будучи военными предводителями, имеют право использовать людские и материальные ресурсы сообщества для войны» [31. Р. 484]. Г. Классен и П. Сальник объединили вокруг себя специалистов, исследовавших высокоорганизованный социальный конструкт

древнего мира — раннее государство [21]. Обобщив ключевые признаки этого типа социальности, Л.Е. Гринин определил его как «особую форму политической организации достаточно крупного и сложного аграрно-ремесленного общества..., определяющую его внешнюю политику и частично социальный и общественный порядок; эта политическая форма в то же время есть отделенная от населения организация власти: а) обладающая верховностью и суверенностью; б) способная принуждать к выполнению своих требований; менять важные отношения и перераспределять ресурсы; в) построенная (хотя бы в значительной части) не на принципе родства» [3. С. 150]. Почти сразу новые понятия сложились в систему «хронологических линеек», описывающих поступательное развитие древнего общества.

Используя критерий сложности социальной структуры, А.У. Джонсон и Т.К. Йорл в работе «*The Evolution of Human Societies: From Foraging Group to Agrarian State*» предлагают упорядочить все известные общества следующим образом: на первом этапе возникает семейная группа; за ней следует локальная группа; более сложной является группа бигмена; следующий уровень сложности — вождество; и, наконец, вершина общественного прогресса — государство: на первом этапе архаическое, на завершающем — национальное [29. Р. 304]. М. Фрид строит свою схему на признаке, который считает неизбежным следствием роста структурной дифференциации — усилении социального неравенства: сначала люди были объединены в эгалитарные общества; затем создали ранжированное общество; его развитие привело к возникновению стратифицированного общества; на завершающем этапе формируется государство с самым высоким уровнем неравенства [28].

Ряд ученых фокусируют внимание на другом следствии усложнения социальной структуры — изменении характера лидерства. Например, Э. Сервис [36] выстроил соответствующую эволюционную последовательность: вначале люди организуются в локальные группы номадов без явного лидера и с коллективным присвоением продуктов природы; затем, в связи с переходом к оседлому образу жизни, создаются племена — союзы общин и кланов, лидерство в которых является харизматическим и завоевывается благодаря личным заслугам — преимущественно для укрепления социального положения [36. Р. 101, 103, 105]. Упрочение власти лидера, вызванное ростом численности населения [18], приводит к возникновению вождества — лидеры получают права на престижные функции: отправлять правосудие, верховодить в войне, перераспределять материальные блага и трудовые ресурсы, координировать всю социальную, хозяйственную и культурную жизнь общин [36. Р. 113]. В рамках вождества окончательно складывается иерархическая структура с устойчивым соподчинением социальных агентов и координирующим центром, а также обеспечивается возможность передачи власти по наследству. Вершиной развития древнего общества является раннее государство, в котором власть лидера институционализируется, опирается на аппарат принуждения, защищается нормами права и получает культурную легитимацию [36. Р. 134].

Методологические основания и результаты дискуссии о новом понимании эволюции доклассового общества

Предпринятые в социологии попытки разложить эволюцию доклассового общества на стадии явно или имплицитно основывались на методологическом допущении о поступательности и непрерывности общественного развития. Однако неэволюционизм продемонстрировал достаточно гибкости, чтобы не ограничивать себя выработкой новых однолинейных исторических градаций. В его рамках была инициирована широкая теоретическая дискуссия, в ходе которой социологи и антропологи вновь вернулись к концептуальным проблемам эволюции.

На методологическом уровне возможность такой дискуссии обеспечивалась двумя обстоятельствами. Во-первых, хотя эволюционизм традиционно концентрировал внимание на выявлении универсальных направлений прогресса, он никогда не отрицал полезности идеографических описаний отдельных общностей, а также того очевидного факта, что всякая социальность далеко не всегда повторяла генеральную линию прогресса, нередко приходя и к гибели. Подобные явления вполне соответствовали эволюционистским представлениям о магистральном прогрессе человечества как результате борьбы за выживание отдельных его частей: «Те, у кого возрастающая трудность получения средств к существованию... не стимулирует улучшения в производстве, т.е. большую умственную деятельность, находятся на прямой дороге к вымиранию и в конечном счете должны быть вытеснены теми, кого давление стимулирует именно таким образом» [38. Р. 60]. В этом смысле уникальность развития отдельных культур с их взлетами и даже распадом можно было бы рассматривать как столь же соответствующую эволюционистской парадигме, как и их поступательное линейное развитие. Однако изучение этого аспекта прогресса обычно занимало периферийное положение в эволюционистских исследованиях.

Во-вторых, даже при генерализованной версии истории эволюционизму не было свойственно безоговорочное признание прогресса исключительно прямолинейным. Например, хотя Морган утверждал, что дикость, варварство и цивилизация «связаны между собой естественной и необходимой прогрессивной последовательностью... [и она] является историческим фактом для всей человеческой семьи» [10. С. 5], в то же время верил в неизбежность возрождения основополагающих принципов доклассового общества: «Демократия в управлении, братство внутри общества, равенство прав, всеобщее образование освятят следующую, высшую ступень общества, к которой непрерывно стремятся опыт, разум и наука. Оно будет возрождением — но в высшей форме — свободы, равенства и братства древних родов» [10. С. 349]. Тем самым Морган обозначил не прямолинейный, а спиралевидный путь эволюции, что открывало возможности расширить представления о ней с точки ее направленности и поступательности.

Гибкость эволюционной парадигмы позволила социологам и этнологам XX века в новых исторических условиях возобновить обсуждение важнейших аспектов эволюции: ее содержания, направленностей и даже непрерывности. Осознание необходимости подобных обсуждений было подкреплено эмпирическими данными, полученными к середине XX века археологами и антропологами. Например, по истечении срока своего существования (700–1300 гг. до н.э.) государство с центром в Теотиуакане (Центральная Мексика) распалось на незначительные по численности политии, в которых отсутствовала бюрократия, но они по-прежнему управлялись дифференцированным слоем элиты, использовали письменность и вели интенсивную торговлю [17]. Объяснений требовал и распад государств в высокогорьях Анд [23], на месте которых также образовались небольшие политии — «малые государства» или «города-государства» [17. Р. 261–284]. Похожие процессы происходили в средневековых сообществах Ближнего Востока и Центральной Азии [26. Р. 39].

Одним из первых социологов, высказавшихся против однолинейности общественного прогресса, стал П.А. Шифферд. Он полагал, что социальная эволюция не должна отождествляться с непрерывной централизацией, которая является не самым распространенным, и скорее нетипичным проявлением эволюции [37]. Еще более артикулированной эта позиция выглядит у Н. Йöffфи, считавшего, что стадии эволюции могут быть дополнены такими естественными фазами, как стагнация, деградация и коллапс [43]. Но наиболее ясно различия между традиционным и неэволюционистским подходами к пониманию эволюции представил Х.Дж. Классен: оставаясь убежденным сторонником трактовки эволюции как структурного изменения, он полагал верным утверждение о многолинейности прогресса архаического общества, в которое вписывается любое изменение социальной структуры, в том числе не связанное с ростом сложности. «У вас сложилось впечатление, что мой подход к эволюционизму представляет собой “откровенно однолинейный социальный эволюционизм”. Пока вы рассматриваете только возможную линию эволюции “община — вождество — раннее государство — зрелое государство”, вы правы. Но, так как мы никогда не утверждали, что это единственная линия, ваше утверждение, к счастью, не является верным... Мы намереваемся предложить совершенно другой подход... Эволюция есть ни что иное, как структурное изменение, а изменение в направлении упадка и коллапса так же эволюционно, как и структурное изменение в направлении роста. На самом деле... упадок и деградация являются в человеческой истории более обычными феноменами, чем рост и расцвет» [7. С. 68]. В рамках подобного понимания социальное развитие не связывается исключительно с формированием вертикально-интегрированных обществ и государств из нестратифицированных образований — развитие представляется многолинейным, а перечень возможных исторических градаций каждой эволюционной линии расширяется за счет таких стадий, как стагнация, деградация и распад.

Закономерно встал вопрос о критериях оценки уровня развития социальной организации [13]. Так, Р. Карнейро, следуя заложенной Спенсером традиции, интерпретировал эволюцию как «переход общества в результате устойчивого процесса дифференциации и интеграции от состояния относительно неопределенной рыхлой гомогенности к состоянию структурированной неоднородности» [19. Р. 90]. Аналогичных преставлений придерживался Ф. Вогет, который определял эволюцию как «продолжительный процесс, сопровождающийся такими структурными изменениями, которые в итоге приводят к возникновению новой структуры, качественно отличающейся от прежней» [40. Р. 862]. Иными словами, уровень сложности социальной структуры доклассового общества трактовался как верный критерий развитости и всех остальных его сторон. Он сохранял свою эвристическую ценность при анализе развития большинства архаических обществ, что доказывалось результатами антропологических исследований, в ходе которых была установлена значимая корреляция между уровнем экономического развития архаических обществ и сложностью их социальной организации. В ходе эмпирических исследований был подтвержден тот факт, что кочующие собиратели и охотники чаще всего создают эгалитарные общества без признаков социальной иерархии, в то время как оседлое хозяйство обычно набирает силу в условиях заметного социального расслоения и институционально защищенной власти [6].

Также предпринимались попытки выработать новые критерии оценки уровня развития доклассовых обществ — вне связи со сложностью социальной структуры. Например, Л. Уайт считал формой эволюционного развития рост производительности труда: он отталкивался от не слишком многочисленных, но оттого не менее релевантных эмпирических данных, говорящих о том, что экономическое развитие может и не приводить к усложнению социальной структуры, и относительно «неразвитые» в социальном отношении общества способны создавать более эффективные экономические системы, чем общества с со сложной социальной организацией [41]. Например, в отсталом с экономической точки зрения обществе индейцев на юго-востоке Калифорнии была сформирована иерархическая структура с наследственной властью аристократии, в то время как племена на северо-западе Калифорнии имели более развитую экономику, но управлялись лидерами, статус которых не имел институционального закрепления и определялся лишь размером их богатств [5]. Племена ифугао (Филиппинские острова) имели достаточно сложное хозяйство, но не знали родовой аристократии [9. С. 183–197]. Сложные ирригационные системы, созданные аграрными племенами Восточной Африки управлялись не аристократией или вождями, а коллегиально — советом старейшин или общим собранием мужчин [24. Р. 16–35]. Зафиксированный в эпоху средневековья политический распад ряда сообществ Ближнего Востока и Центральной Азии на племена [26. Р. 39] не сопровождался хозяйственной деградацией и ухудшением условий жизни людей [7].

Применение критерия роста производительности труда как фактора эволюции имело важное значение, поскольку открывало возможность приводить к общей шкале эволюционного развития общества с качественно разной социальной структуры и позволяло сравнивать развитость первобытных культур, вставших на разные пути эволюции и выработавших разные способы социальной организации [19].

Теоретические дискуссии о возможности многолинейного и непоступательного развития доклассовых обществ, а также эмпирические аргументы разных сторон привели исследователей к выводу, что эволюция общества представляет собой процесс, допускающий альтернативные пути достижения одного и того же уровня сложности. Иными словами, к одному уровню сложности социальной структуры разные общества могут приходить разными эволюционными путями. Наверное, впервые эта идея была озвучена Р. Карнейро в работе «The Four Faces of Evolution», где автор аргументировано доказывал, что всякий уровень экономического развития может достигаться разными способами организации социальной жизни и разными эволюционными путями [19. P. 89–110]. Та же мысль звучит в работах отечественных социологов и антропологов, допускающих, что один и тот же уровень структурной сложности может быть достигнут «на разных траекториях развития» [1. С. 15]. При таком понимании социогенеза уже не важно, сколько направлений эволюции готов признать реальностью исследователь — одну или несколько: все возможные подходы становятся лишь «разными интерпретациями единого понимания социального прогресса» [32. P. 13].

Библиографический список / References

- [1] *Бондаренко Д.М., Гринин Л.Е., Коротаев А.В.* Альтернативы социальной эволюции // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград, 2006 / Bondarenko D.M., Grinin L.E., Korotaev A.V. *Alternativy socialnoj evolyutsii* [Alternatives of social evolution]. *Rannee gosudarstvo, ego alternativy i analogi*. Volgograd; 2006 (In Russ.).
- [2] *Гоббс Т.* Левиафан или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М., 2001 / Hobbes T. *Leviafan ili Materiya, forma i vlast gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo* [Leviathan, or The Matter, Form, and Power of a Commonwealth, Ecclesiastical and Civil]. Moscow; 2001 (In Russ.).
- [3] *Гринин Л.Е.* Аналоги раннего государства: альтернативные пути эволюции // Личность. Культура. Общество. 2007. Вып. 1 / Grinin L.E. *Analogi rannego gosudarstva: alternativnyye puti evolyutsii* [Analogues of the early state: Alternative paths of evolution]. *Lichnost. Kultura. Obshchestvo*. 2007; 1 (In Russ.).
- [4] *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда / Пер. с фр. А.Б. Гофмана, прим. В.В. Сапова. М., 1996 / Durkheim E. *O razdelenie obshchestvennogo truda* [The Division of Labor in Society]. Trasl. by A.B. Gofman, comm. V.V. Saponov. Moscow; 1996 (In Russ.).
- [5] *Кабо В.Р.* Первобытная доземледельческая община. М., 1986 / Kabo V.R. *Pervobytnaya dozemel'delcheskaya obshchina* [Primitive Pre-agricultural Community]. Moscow; 1986 (In Russ.).
- [6] *Коротаев А.В.* Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции. М., 2003 / Korotaev A.V. *Socialnaya evolyutsiya: faktory, zakonomernosti, tendentsii* [Social Evolution: Factors, Patterns, Trends]. Moscow; 2003 (In Russ.).

- [7] *Коротаяев А.С.* Апология трайбализма: племя как форма социально-политической организации сложных непервобытных обществ (по материалам Северо-Восточного Йемена) // Социологический журнал. 1995. № 4 / Korotaev A.S. Apologiya trajbalizma: plemya kak forma socialno-politicheskoy organizatsii slozhnyh nepervobytnyh obshchestv (po materialam Severo-Vostochnogo Yemena) [Apology of tribalism: Tribe as a form of the social-political organization of complex non-primitive societies (based on the data from North-Eastern Yemen)]. *Sociologicheskyy Zhurnal*. 1995; 4 (In Russ.).
- [8] *Маркс К.* К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 13. М., 1959 / Marx K. K kritike politicheskoy ekonomii [A contribution to the critique of political economy]. Marx K., Engels F. *Sobr. soch.* Vol. 13. Moscow; 1959 (In Russ.).
- [9] *Мешков К. Ю.* Филиппины // Чебоксаров Н.Н., Кузнецов А.И. (ред.). Малые народы Индонезии, Малайзии и Филиппин. М., 1982 / Meshkov K.Yu. Filippiny [Philippines]. Chebokсарov N.N., Kuznetsov A.I. (Ed.). *Malye narody Indonezii, Malajzii i Filippin*. Moscow; 1982 (In Russ.).
- [10] *Морган Л.Г.* Древнее общество, или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации // Материалы по этнографии. Т. 1. Л., 1934 / Morgan L.H. Drevnee obshchestvo ili issledovanie linij chelovecheskogo progressa ot dikosti cherez varvarstvo k tsivilizatsii [Ancient society, or Researches in the lines of human progress from savagery, through barbarism to civilization]. *Materialy po etnografii*. Leningrad; 1934. Vol. 1 (In Russ.).
- [11] *Морган Л.Г.* Древнее общество: Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации / Под ред. М.О. Косвена. М., 2016 / Morgan L.H. Drevnee obshchestvo: Issledovanie linij chelovecheskogo progressa ot dikosti cherez varvarstvo k tsivilizatsii [Ancient Society, or Researches in the Lines of Human Progress from Savagery, through Barbarism to Civilization]. Ed. by M.O. Kosven. Moscow; 2016 (In Russ.).
- [12] *Мэйн Г.* Древнейшая история учреждений: Лекции. М., 2011 / Maine H. Drevnejshaya istoriya uchrezhdenij: Lektsii [Lectures on the Early History of Institutions]. Moscow; 2011 (In Russ.).
- [13] *Парсонс Т.* О структуре социального действия. М., 2000 / Parsons T. O strukture socialnogo dejstviya [The Structure of Social Action]. Moscow; 2000 (In Russ.).
- [14] *Спенсер Г.* Личность и государство. Челябинск, 2007 / Spencer H. Lichnost i gosudarstvo [The Man versus the State]. Chelyabinsk; 2007 (In Russ.).
- [15] *Тённис Ф.* Общность и общество. Основные понятия чистой социологии / Пер. с нем. Д.В. Складнева. М.—СПб., 2002 / Tönnies F. Obshchnost i obshchestvo. Osnovnyye ponyatiya chistoj sociologii [Community and Society]. Transl. by D.V. Sklyadnev. Moscow—Saint-Petersburg; 2002 (In Russ.).
- [16] *Энгельс Ф.* Манифест коммунистической партии. Предисловие к немецкому изданию 1883 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 21. М., 1959 / Engels F. Manifest kommunisticheskoy partii. Predislovie k nemetskomu izdaniyu 1883 g. [Communist Manifesto (Preface)]. Marx K., Engels F. *Sobr. soch.* Vol. 21. Moscow; 1959 (In Russ.).
- [17] Brumfiel E. Aztec state making: Ecology, structure, and the origin of the state. *American Anthropologist*. 1983; 85.
- [18] Carneiro R.L. The chiefdom: Precursor of the state. Jones G.D., Kautz R.R. (Eds.). *The Transition to Statehood in the New World*. New York; 1981.
- [19] Carneiro R.L. The four faces of evolution. Honigman J.J. (Ed.). *Handbook of Social and Cultural Anthropology*. Chicago; 1973.
- [20] Carneiro R.L., Grinin I.E., Korotayev A.V. *Chiefdoms: Yesterday and Today*. New York; 2017.
- [21] Claessen H.J.M., Skalnik P. (Eds.). *The Early State*. Hague; 1978.
- [22] Claessen H.J.M., van de Velde P., Smith M.E. (Eds.). *Development and Decline: The Evolution of Sociopolitical Organization*. South Hadley; 1985.

- [23] Costin C.L., Earle T.K. Status distinction and legitimation of power as reflected in changing patterns of consumption in late prehispanic Peru. *American Antiquity*. 1989; 54.
- [24] Davies M. Wittfogel's dilemma: Heterarchy and ethnographic approaches to irrigation management in Eastern Africa and Mesopotamia. *World Archaeology*. 2009; 41 (1).
- [25] Delanty G. Sociology. Ritzer G. (Ed.). *The Blackwell Encyclopedia of Sociology*. Oxford; 2009.
- [26] Dietrich W. (Ed.). *The Early Monarchy in Israel: The Tenth Century B.C.* Atlanta; 2007.
- [27] Ferguson A. *An Essay on the History of Civil Society*. Basil; 1789.
- [28] Fried M.H. *The Evolution of Political Society: An Essay in Political Anthropology*. New York; 1967.
- [29] Johnson A.W., Earle T.K. *The Evolution of Human Societies: From Foraging Group to Agrarian State*. Stanford; 2000.
- [30] Lowie R.H. *The Origin of the State*. New York; 1927.
- [31] Oberg K. Types of social structure among the lowland tribes of South and Central America. *American Anthropologist*. 1955; 57.
- [32] Sahlins M.D. Evolution: specific and general. Sahlins M.D., Service E.R. (Eds.). *Evolution and Culture*. Ann Arbor; 1960.
- [33] Sahlins M.D., Service E.R. (Eds.). *Evolution and Culture*. Ann Arbor; 1960.
- [34] Sahlins M. Poor man, rich man, big man, chief: Political types in Melanesia and Polynesia. *Comparative Studies on Society and History*. 1963; 5 (3).
- [35] Service E.R. *Primitive Social Organization*. New York; 1971.
- [36] Service E.R. *Primitive Social Organization. An Evolutionary Perspective*. New York; 1962.
- [37] Shifferd P.A. Aztecs and Africans. Political processes in twenty-two early states. Claessen H.J.M., van de Velde P. (Eds.). *Early State Dynamics*. Leiden; 1987.
- [38] Spencer H. *Social Statics*. New York; 1851.
- [39] Spencer H. *The Evolution of Society: Selections from Herbert Spencer's Principles of Sociology*. Chicago; 1967.
- [40] Voget F.W. *A History of Ethnology*. New York; 1975.
- [41] White L.A. *The Science of Culture. A Study of Man and Civilization*. New York; 1949.
- [42] White L.A. Foreword. Sahlins M.D., Service E.R. (Eds.). *Evolution and Culture*. Ann Arbor; 1960.
- [43] Yoffee N. The decline and rise of Mesopotamian civilization: An ethno-archaeological perspective on the evolution of social complexity. *American Antiquity*. 1979; 44.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-655-668

Development of pre-class society in the evolutionist interpretation*

S.A. Davydov

Saint Petersburg State University of Economics
Sadovaya St., 21, Saint Petersburg, 191023, Russia
(e-mail: licurg@inbox.ru)

Abstract. The article aims at systematization of approaches to understanding the evolution of pre-class society in historical sociology. The sociological tradition of interpreting the history of pre-class

* © S.A. Davydov, 2020.

The article was submitted on 17.01.2020. The article was accepted on 24.04.2020.

society developed in the late 18th century, when A. Ferguson defined the development of society as a natural process consisting of three stages: savagery, barbarism, and civilization. In classic sociology, there were two approaches to understanding the pre-class society evolution. The first approach is presented in the works of H. Spencer, who suggested a natural-scientific interpretation of social evolution but with a more elaborated scale of the development of pre-class societies — as differing by the complexity of their social structure. The second approach is presented in the research of L.H. Morgan, who used Ferguson's three-stage periodization as a basis but expanded the list of fundamental criteria for their differentiation (progress in inventions and discoveries, ideas of management, family and property). In the middle of the 20th century, sociology managed to overcome its dependence on psychology and economics by neo-evolutionism that linked social evolution of the archaic society with qualitative changes in its structure. Sociologists proposed schemes for the evolution of pre-class society based on the empirical evidence of its complexity — institutionalization of leadership and increasing social inequality. Moreover, sociologists included the level of labor productivity achieved in the archaic society into the list of criteria for its development, which determined a single scale of progress even for societies with other types of social organization. After debates, sociologists came to the conclusion that the evolution of pre-class societies is determined not only by their development but also by their degradation and even collapse; that all social systems can have analogues with a comparable level of complexity; and that a certain level of social organization can be achieved by different evolutionary paths.

Key words: archaic society; differentiation; pre-class society; hierarchy; progress; social structure; stage of development; evolutionism